

Дата: друзья отметили 60-летие поэта

Цитата

Он был очень важен для нашей жизни. Он знал заветное слово, оно и открывало глубинные смыслы, и утешало – как, горько и счастливо, утешает точный звук...

Сергей ЗАХАРЯН

Из предисловия к книге «Однажды досказать...»,
издатель Сапронов (Иркутск), «Рубеж» (Владивосток), 2008 г.

Родина помнит

19 марта в литературной гостиной библиотеки профкома нефтехимиков состоялось представление книги последних стихов Анатолия Кобенкова «Однажды досказать...» В нее вошли стихи, написанные поэтом в последние три года жизни. Работа над сборником началась еще при жизни Анатолия Ивановича, но выпустить эту книгу – возможно, самую лучшую – он не успел. 5 сентября 2006 года Анатолия Кобенкова не стало.

Сборник стихов «Однажды досказать...» вышел в свет в Иркутске к шестидесятилетию поэта. В марте этого года, в день его рождения, прошел вечер памяти в иркутском органном зале. И вот теперь в Ангарске. Издатель Геннадий Сапронов, составитель книги Сергей Захарян, композитор Евгений Якушенко, писатели Арнольд Харитонов, Олег Корнильцев, врач Людмила Животовская, друзья Кобенкова и все, кто любит и помнит талантливого земляка, ценит поэзию, родной язык и хороший вкус, собрались в литературной гостиной. Вспоминали Анатолия Кобенкова, читали его стихи. Евгений Якушенко исполнил песни на его слова.

Родился Анатолий Иванович Кобенков в Хабаровске. Жил в Биробиджане, Ангарске, Иркутске. Учился в литературном институте им. А. М. Горького. Работал токарем, слесарем, рабочим геологоразведочных партий, служил в армии, был журналистом, редактором заводского радио в Ангарске. Первые стихи были опубликованы в газете «Биробиджанская звезда», когда будущему поэту исполнилось 14 лет. А первый поэтический сборник «Весна» вышел в Хабаровском книжном издательстве, когда автору было восемнадцать. В 2004 году Анатолий Кобенков переехал в Москву.

Он был критиком, эссеистом, переводчиком еврейской, латышской и польской поэзии, организатором сибирских альманахов «Зеленая лампа» и «Иркутское время». Именно Анатолий Кобенков стал инициатором и

организатором Международного фестиваля поэзии на Байкале, который, хочется верить, станет фестивалем его имени.

...Возможно, Ангарск войдет в историю вовсе не своей промышленностью, а тем, что здесь жил и писал стихи Большой Поэт Анатолий Кобенков.

Полина Просекина

Анатолий Кобенков

Воскресенье: к вечеру обнова
громыхает семечками, но
кинщик заболел, и ни Крючкова,
ни Быстрицкой – тихо и темно...

Кинщик заболел – кина не будет,
спрячь платочек, варежку закрой,
потеряй очки, подайся в люди –
в двухсерийный шипровый запой,

лапай продавщиц, буди соседа,
уведи себя, как на расстрел,
на вопрос: Откеда вы? - Оттеда,
где однажды кинщик заболел.

Анекдоты а-ля Хармс про поэта Кобенкова

Кобенков был поэтом и с детства что ни писал - все стихи получались. Но о нем никто не знал. Даже лицо его не было известно широкой публике. Однажды другой поэт, Левитанский, застал его за написанием стихов. Кобенков был с похмелья, со сломанной челюстью и фингалом под глазом.

- Да никак ты писака! - воскликнул Левитанский.

Эту фразу слышали собратья по перу и стали относиться к Кобенкову уважительно. Книжечку стихов тоненькую издали и даже в свой союз творческий приняли. А Кобенкову это и не надо было. Он и до сих пор хорошие стихи сочиняет.

Однажды поэт Кобенков написал письмо Шолом-Алейхему: "Дорогой Алейхем! Ты меня не знаешь. Я тебя тоже. Давай познакомимся и будем дружить. Толя".

Письмо долго шло к земле обетованной. Когда его доставили, Шолом сидел на морском берегу и предавался созерцанию. Жена и так, и этак

подсовывала ему письмо Кобенкова, тот никак не реагировал. Так вот и не познакомились.

Переоделся один раз поэт Скиф Кобенковым и понес свои стихи в издательство, в отдел поэтических воззрений славян на природу. Видя, что к ним пришел поэт Кобенков, издатели очень обрадовались, рукопись приняли, обещали издать. Но перед тем как издать, послали рукопись на рецензию Скифу. Стал Скиф читать свои стихи за подписью Кобенкова. Думает: что за бред? И зарезал рукопись! Так вот читатель и не увидел новой книги поэта Кобенкова.

Решили как-то местные власти к юбилею поэта Кобенкова на народные деньги поставить ему памятник при жизни... Причем прямо на народной тропе.

Однажды поэт Кобенков переоделся Гольдфарбом (известный иркутский журналист и редактор «КП-Байкал». – Прим. ред.) и пошел к нему на работу денег просить. Гольдфарб увидел себя на пороге с протянутой рукой и денег не дал. Подумал: зачем мне-то деньги, у меня и так все есть. Вот если бы ко мне пришел поэт Кобенков, я бы дал.

Так Толян Иванович и пролетел мимо денег.

Геннадий САПРОНОВ, г. Иркутск

Я рылся в книгах...
...потому меня любили
Онегин, Жан-Кристоф и Мцыри,
Рембо и Кант Иммануил.

Анатолий Кобенков
(Из солдатского сборника)

ВСЕОБЩИЙ ЛЮБИМЕЦ

Я кашлял,
я чихал от пыли
и, как бульдозер, полки рыл
- меня недаром полюбили
Онегин, Жан-Кристоф и Мцыри,
Рембо и Кант Иммануил,

меня любили поварихи,
три офицерские жены,
все гарнизонные врачихи,
как кошки, были влюблены,
все девушки меня любили
и у казармы до зари
большими стаями ходили,
изнемогая от любви,
все машинистки сохли в штабе –
я по-солдатски не зевал,
девчонок складывал я в штабель
и... дембелям их раздавал.

Пародия на стихи А. Кобенкоаа
Вадима БОГАТЫРЕВА

Арифметика таланта

В 1978 году Анатолий пригласил меня работать на радио АНХК. Мы с ним по очереди делали еженедельный радиопельетон «Понедельник – день тяжелый». Фельетон посвящался исключительно работникам компании, которые в течение минувшей недели побывали в медвытрезвителе. Эта радиопередача была придумана Анатолием и пользовалась подлинным успехом. Бывало, работники железнодорожного вокзала приходили послушать ее в цех связи АНХК – там недалеко. Анатолий писал тексты фельетонов стремительно. Иначе как удивительной импровизацией этот процесс назвать было нельзя. При этом он как-то избоку глядел на лист и писал мельчайшими, как букашки, буквами. Из-под его пера выходили шедевры - хоть сейчас в “Крокодил”. Скромно признаюсь, в сравнении с Толиным творчеством мне за свои опусы тоже не было стыдно. Возможно, я заблуждался. Но я был самоуверен, и, когда однажды молодая, симпатичная женщина сказала: «Олег, а Толины передачи все-таки лучше», - я беспечно ответил: «Есть другая молодая и не менее симпатичная, которая говорит как раз наоборот». Даже сейчас и даже под пыткой не признаюсь, была ли это правда.

Однажды в конце рабочего дня мы сидели с Толей вдвоем. Он, что-то подсчитав, удовлетворенно сказал: «Я за этот месяц заработал семьсот рублей». (Зарплата редактора радио, гонорары за опубликованные стихи и оплата написанного им сценария для художественного коллектива ДК

нефтехимиков.) «Семьсот рублей заработал, - самоуничижительно подумал я, - а я только сто сорок...» Но в следующую минуту я утешился следующим рассуждением: «Сколько времени Толя делает свою передачу? С того момента, когда утром в понедельник он звонит в отдел кадров, чтобы узнать фамилии посетителей вытрезвителя и их подвиги, а затем пишет текст, и до момента, когда он заканчивает читать в микрофон последнее слово, проходит всего два часа. А я звоню в отдел кадров еще в пятницу, в воскресенье набрасываю черновик, в понедельник вскакиваю как ужаленный в пять утра и лихорадочно работаю... На фельетон (обычно он звучал минут семь – восемь) у меня уходит десять часов. Делим 10 часов моих усердных трудов на 2 часа Толиного стремительного творчества - получаем 5. Теперь Толины 700 рублей разделим на 140 моих. Тоже 5! Выходит, при сравнительно одинаковом качестве он работает в пять раз быстрее! Он в пять раз талантливей меня! Все справедливо».

Тут необходимо заметить: мы дружили с Анатолием тридцать девять лет, но это был единственный случай, когда вели разговор о своих заработках.

Хорошее было время.

С легкой Толиной руки я проработал на радио АНХК больше двадцати четырех лет.

Корнильцев О.
Время. – 2013. – № 25 (7 марта.). – С. 9.